

М. В. Мандрик

**Д. М. ПЕТРУШЕВСКИЙ И ЕГО УЧИТЕЛЯ:
К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ И НАУЧНЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ**

Для становления личности любого человека, формирования его взглядов, а зачастую и выбора жизненного пути, Учитель имеет особое значение. В случае, если молодой человек выбирает научную стезю, первый наставник может решающим образом повлиять на ее направление. В то же время столкновение амбиций двух творческих личностей нередко влияет на их человеческие и профессиональные отношения, особенно когда ученик выходит из под опеки и начинает самостоятельную деятельность. Проследить развитие этих отношений особенно интересно, когда в поле зрения исследователей оказываются представители крупных научных школ или направлений.

В 1882 г. Д. М. Петрушевский поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где его руководителями стали основатель социально-экономического направления в украинской историографии И. В. Лучицкий и Ф. Я. Фортинский, известный историк-медиевист. Между И. В. Лучицким и его учеником поначалу складывались весьма неровные отношения. Перипетии их сотрудничества хорошо прослеживаются в письмах Д. М. Петрушевского к киевским друзьям. Из них видно, что профессор возлагал на своего ученика большие надежды, но отъезд последнего в Москву после окончания университета оказался для него неожиданностью. В одном из писем Д. М. Петрушевский с недоумением писал: «Чего ему от меня нужно? Поехал собирать материалы... не мог же я собрать их в две недели; что касается руководства, то ведь

он “предоставил мне полную свободу” делать что угодно и как угодно; делать какие-то ни было указания по предмету моей диссертации он совершенно отказался, откровенно заявив, что английской историей он никогда по источникам не занимался... Присылать ему еженедельно свои недоумения по поводу разных встречающихся вопросов... для этого нет резона... ведь отношения наши не выходили из пределов самой официальной казенности. Конечно, все это говорю я не для того, что доказать, что Лучицкого мне нечего опасаться; это просто резонированье, применимо к человеку с дисциплинарным характером; а от человека минуты с не особо рафинированным душевным тоном чего только ожидать нельзя?»¹ Тревожила его и сдача магистерских экзаменов: «в виде весьма неприятного призрака душу мою смущает мой под час невменяемый патрон... а если еще принять во внимание позывы огорченного самолюбия, то исход экзамена представится далеко не победным»².

Однако опасения оказались напрасными. В 1889 г. Д. М. Петрушевский подготовил к публикации первую статью «Рабочее законодательство Эдуарда III». Ответ И. В. Лучицкого не заставил себя ждать: «О признании ее и напечатании даже нечего и говорить: да и да! Я с большим удовольствием прочел ее и смело могу поздравить Вас с успехом. Работа очень хорошая... в заседании я предложу печатать. Говорил с Фортинским: согласен». В письме к И. П. Житецкому Д. М. Петрушевский не скрывает своей радости по этому поводу: «Откровенно признаться, строки эти сильно таки подняли мой дух...»³.

С годами, когда произошла переоценка ряда максималистских взглядов, отношения между учеником и учителем переросли в дружеские, и в марте 1914 г., поздравляя И. В. Лучицкого с юбилеем, Д. М. Петрушевский признавался: «Научные беседы в Вами, которые мне удается вести благодаря моим киевским поездкам, всегда производят на меня удивительно освежающее действие, и я всегда поражаюсь по истине поразительной свежестью и широтой Вашей научной мысли. О чем бы не зашла речь, Вы всегда в курсе дела и всегда поражаете тонкостью и глубиной своих замечаний»⁴. Более 20 лет историки вели переписку, и советы учителя не раз помогали Д. М. Петрушевскому в выборе верного пути решения возникающих проблем.

Совершенно по другому сценарию складывались отношения между Д. М. Петрушевским и П. Г. Виноградовым. По воспоминаниям Д. М. Петрушевского, профессор П. Г. Виноградов «принимал самое живое участие в моей работе, он глубоко заинтересован ею: ведь она будет служить непосредственным продолжением его действительно классического исследования... Хотелось бы не осрамить пера... А тема любопытная и не только любопытная, но и в высшей степени важная...»⁵. Поэтому не удивительно, что именно с П. Г. Виноградовым историк обсуждал свою магистерскую работу больше, чем с И. В. Лучицким. Он стал участником практических занятий московского профессора, которые, по его мнению, играли крупную роль в развитии русской исторической науки⁶: «Семинарии эти происходят у него на дому каждый вторник... Дело происходит таким образом. Реферат подается за несколько времени до семинария, Виноградов его прочитывает, подготавливает и затем во время сеанса излагает тезисы реферата и делает на них возражения. Референт должен защищаться. Слушатели свободно могут принимать участие в диспуте»⁷.

Судя по отзывам о П. Г. Виноградове, молодой ученый ждал многого и от его лекций, но при первом знакомстве они показались слишком «лаконичными», хотя и с «серьезной содержательностью»⁸. В то же время знакомство с лекторским талантом В. О. Ключевского сразу же произвело на Д. М. Петрушевского неизгладимое впечатление: «Ключевский читает бесподобно. Характер его изложения тот же, что и у Виноградова, т. е. экономически-правовой процесс русского общества... Ключевский, как выражаются некоторые, Мефистофель от русской истории. Если бы вершители судеб российского государства провидели, что появится фигура дьячковского вида, которая так зло-смехотворно будет повествовать об их деяниях с кафедры московского университета, они, наверное, отреклись бы от <неразбр.> или по крайней мере запечатали бы ученую храмину. Более остроумного человека трудно сыскать»⁹.

Общение с П. Г. Виноградовым быстро переросло из сугубо профессиональных отношений в подобие светских: войдя в круг общения профессора, Д. М. Петрушевский оказался в центре общественно-научной жизни Москвы. П. Г. Виноградов подпитывал и желание киевского стипендиата посетить Англию, прикоснуться к первоисточникам по теме диссертации. Первоначально поездка планировалась

как совместная на лето или осень 1888 г., но осуществилась она только в 1889 г.

Несмотря на то что Д. М. Петрушевский вышел из исследовательской школы И. В. Лучицкого, современники историка небезосновательно рассматривали его как одного из ближайших последователей П. Г. Виноградова. В своем обобщающем труде «Основы русской социологии» Н. И. Кареев первым подчеркнул, что в понимании задач исторической науки Д. М. Петрушевский ближе всего стоял к взглядам именно В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, а последнего по праву считают одним из основателей так называемой «московской исторической школы» (и, если расширить границы вслед за В. П. Бузескулом, — «русской школы»). В свою очередь Е. А. Косминский признавал, что хотя его учитель формально и «не был непосредственным учеником Виноградова», но в его творчестве четко прослеживается сближение их взглядов в отношении концепции аграрного развития Англии и в отношении методов исследования¹⁰. Б. Г. Могильницкий предложил такую «классификацию», согласно которой Д. М. Петрушевский (в соседстве с П. Г. Виноградовым) и И. В. Лучицкий вообще были отнесены к разным научным «направлениям»¹¹. И. В. Кеткова и Э. П. Телегина также причисляют Д. М. Петрушевского, вместе с А. Н. Савиным, к ученикам П. Г. Виноградова¹². Более сдержанно пишет об этом Л. Т. Мильская, считая, что корни историко-социологического подхода в творчестве Д. М. Петрушевского были заложены И. В. Лучицким и только «усилены» знакомством с трудами П. Г. Виноградова¹³.

Неизвестно, признал бы себя сам историк учеником П. Г. Виноградова. Несмотря на то что сохранилось немало положительных отзывов о личных качествах профессора, Д. М. Петрушевский оставил о нем весьма противоречивые воспоминания: первые восторженные впечатления с годами трансформировались в негативное восприятие как деятельности, так и личности П. Г. Виноградова. В мае 1911 г., узнав о смерти В. О. Ключевского, историк с горечью написал: «хоронили... поистине великого историка, равного которому теперь трудно найти в Европе. Поразительнее всего то, что, учившись у той европейской истории на медные деньги, он уже больше тридцати лет назад и в лекциях своих, и в работах давал истинные шедевры современной нам теперь европейской исторической науки,

точнее — далеко не всей европ[ейской] историч[еской] науки, а той, какую пытаются давать, а иногда (редко) и дают самые выдающиеся ее представители в своих работах. Какой-нибудь Виноградов в сравнении с ним чернорабочий, орудующий топором и пилой, да и к тому же разрабатывающий самые элементарные процессы и факты. Я уже не говорю о несравненном словесном мастерстве Ключевского и об изяществе его мысли, качествах, которыми совершенно обделен оксфордско-московский дикобраз»¹⁴. Чем П. Г. Виноградов заслужил такую характеристику в устах одного из своих лучших последователей, остается только гадать. Это тем более удивляет, что, будучи начинающим историком, Д. М. Петрушевский в 1888 г. с восхищением писал об одной из лекций П. Г. Виноградова: «...блистательнейшая, взгляд оригинальный, выводы самого животрепещущего современного интереса. Ничего подобного я не читал ни в русских, ни в иностранных сочинениях»¹⁵. Однако спустя годы, в 1925 г., узнав о смерти ученого, в письме И. П. Житецкому историк сделал сухую приписку, что с 19 на 20 декабря в Париже умер П. Г. Виноградов, не выразив при этом никаких эмоций. Сугубо научной, без личностных характеристик, оказалась и довольно большая статья историка, посвященная научному наследию П. Г. Виноградова. Д. М. Петрушевский сам признавал, что эта публикация является не самой удачной его работой: «Вышлю Вам завтра полученного накануне мною “Виноградова”, — сообщал он О. А. Добиаш-Рождественской. — Не думаю, чтобы он доставил Вам много назидательного и в печатном виде»¹⁶. Видимо, он чувствовал, что мог написать лучше, но ряд сугубо субъективных моментов помешал ему, и в статье совершенно отсутствует тон, присущий работам, посвященным учителям.

Неоднократно отмечалось, что Д. М. Петрушевскому удалось выйти за рамки узкой специальности и найти массового читателя. Этот феномен хорошо объясняют слова самого историка: «Для меня лично... история имеет исключительно социологический интерес, и ученость просто ученая для меня скука и смерть»¹⁷.

Эту тягу к историко-социологическому направлению он мог перенять (не без влияния М. Вебера) в большей степени от И. В. Лучицкого, чем от Виноградова, чуждого социологическим построениям. Последний в рецензии на «Восстание Уота Тайлера» отмечал эту склонность Д. М. Петрушевского: «Несмотря на все недочеты,

происходящие главным образом из излишней схематичности (наследие социологии. — М. М.) и желания дать как бы работу по социальной динамике на исторической почве (курсив наш. — М. М.)... исследователям социальной истории Англии придется существенно считаться с его сочинением»¹⁸.

Нельзя исключать и тот факт, что знакомство с лекционными курсами и трудами В. О. Ключевского привнесло элемент «синтетического построения» в исследования медиевиста. А. И. Неусыхин писал Д. М. Петрушевскому: «Вполне согласен с Вашим мнением об “Очерках из экономич[еской] истории”: я всегда считал, что они представляют собою опыт синтетического построения (подчеркнуто в оригинале. — М. М.) экономической эволюции средневековой Европы; те, кто склонны рассматривать синтез, как популяризацию, повинны не только в смешении понятий, но, как мне кажется, в недооценке значения исторического синтеза, а м.б., и в не достаточно ясном понимании его сущности и задач»¹⁹. Размышляя далее о работах учителя, он пришел к выводу, «что они все без исключения отличаются... — наличием конкретно-исторического синтеза... В разных работах эта черта сказывается по-разному, в зависимости от поставленной себе автором задачи, но всюду она является господствующей. ...Вы сдержали свое обещание: искать и находить индивидуальное в общем и общее в индивидуальном»²⁰ (П. Г. Виноградов же, напротив, отмечал в используемых Д. М. Петрушевским источниках излишний «индивидуалистический оттенок в изображении событий», что считал недостатком²¹. — М. М.). О данном аспекте творчества историка оставил положительный отзыв и Н. П. Грацианский, счистивший, что это позволило дать «интересную конструкцию феодализма, как социологической категории»²². Его заслуги были признаны даже антагонистом московской школы — М. Н. Покровским, который писал: «Вы один из первых, обративших внимание на самую ценную, и до тех пор пренебрегавшуюся, категорию этих явлений — на то, что тогда называлось “социальной историей”, и что мы теперь называем “историей классово́й борьбы”»²³.

Творчество Д. М. Петрушевского — синтез его врожденного таланта и благотворного влияния учителей, от которых он вобрал лучшее и созвучное с его взглядами. Опосредованное, но сильное влияние основателей московской школы позволило историку органично

влиться в ее ряды. И как бы ни складывались в тот или иной период жизни его отношения с учителями, он оказался достойным их последователем. Так же как и они, Д. М. Петрушевский был известен в различных областях исторического знания; в частности, его интересовали вопросы историографии и методология истории, античность и история нового времени, не оставил он без внимания и историю русского феодализма. Д. М. Петрушевский относился к редкой категории историков-универсалов и сумел сохранить и укрепить не только московскую медиевистику, в которой он занял одно из ведущих мест, но и московскую историческую школу в целом.

---

¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. III. Д. 49189. Л. 1–1 об.

² Там же. Д. 49191. Л. 1–1 об.

³ Там же. Ф. I. Д. 49193. Л. 1 об., 4–4 об.

⁴ Там же. Ф. III. Д. 15791. Л. 1 об.

⁵ Там же. Д. 49186. Л. 1.

⁶ *Петрушевский Д. М.* П. Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930. С. 1. — Примечательно, что и для И. В. Лучицкого семинар был главной формой общения со студентами и решения учебно-научных задач.

⁷ ИР НБУВ. Ф. III. Д. 49186. Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Косминский Е. А.* Изучение истории западного средневековья // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков: Сб. статей. М., 1963. С. 95 и сл.

¹¹ *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 1900-х годов. Томск, 1969.

¹² *Кеткова И. В., Телегина Э. П.* Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) // Портреты историков. Время и судьбы: В 2 т. Т. 2: Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 187.

¹³ *Мильская Л. Т.* Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) // Там же. С. 136.

¹⁴ ИР НБУВ. Ф. I. Д. 49149. Л. 2–2 об.

¹⁵ Там же. Ф. III. Д. 49186. Л. 4 об.

¹⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 254. Д. 319. Л. 1.

¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 746. Оп. 40. Л. 16.

¹⁸ *Виноградов П. Г.* Рец. на: Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии: Отдельный оттиск из «Отчета о X премии митрополита Макария». СПб., 1905. С. 19–20.

¹⁹ Архив Российской Академии наук (далее — АРАН). Ф. 493. Оп. 3. Д. 152. Л. 35–36.

²⁰ Там же. Л. 53 об.–54 об.

²¹ *Виноградов П. Г.* Рец. на: Восстание Уота Тайлера... С. 5.

²² *Грацианский Н. П.* Речь, произнесенная на торжественном заседании Института истории 20 декабря 1925 г. // Средние века: Сб. статей. М., 1928. С. 14.

²³ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 84. Л. 2.